

Александр Неклесса. МИР ИНДИГО

... в постиндустриальном мире формируется новый влиятельный социальный слой, который Вы называете «людьми воздуха» или «новым интеллектуальным классом». Класс этот занимает ведущие позиции в обществе, будучи причастен к созданию технологий стратегирования, управления смыслами, организационно-деятельностного проектирования. Это самый общий вывод из нашей предыдущей беседы. Давайте теперь поговорим более конкретно о самих управленческих технологиях.

Согласен. Чтобы обозначить русло беседы, сразу отмечу: в многолюдном и сложном мире, где мы обитаем, складывается иной формат социального акта. Одновременно рождается инновационная методология познания и действия, основанная на восприятии космоса людей как бурлящей реальности - адаптивной, динамичной и нелинейной системы.

Отсюда проистекает изменение методов и принципов социального проектирования, на которых построены управленческие технологии.

Реформация статуса человечества как системы связана не только с процессами глобализации. Мы вступаем в нестабильный мир «раскованного Прометея» - мир, в котором обитает множество субъектов действия, освобожденных технологической цивилизацией от ряда земных обременений, получивших дополнительные степени свободы и различным образом понимающих/воплощающих смысл и цели бытия.

Усложнение образа социальной вселенной на пороге XXI века отчасти напоминает мне пересмотр картины мира физического, который произошел в начале XX столетия и был отмечен рождением теории относительности, а также квантовой физики. Антропологическая галактика сегодня перестает восприниматься как уверенно расчерченная на клеточки шахматная доска, где одна мозаика порядка время от времени сменяет другую, достижение же нового порядка (качеств диссипативной структуры) представляется все более проблематичным.

Завоевывает признание заметно иной взгляд на планетарное сообщество, как на новый мировой беспорядок - диффузный мир, субстанцию многоаспектную, энергийную, чрезвычайно подвижную, подчас турбулентную. В социальном проектировании утверждается принцип самоорганизованной критичности, согласно которому поведение сложной и сверхсложной системы - такой, скажем, как погода, финансы или траектория современного общества, связано с возможностью пересечения ею предельных состояний и вероятностью последующих лавинообразных следствий.

Одно из ключевых свойств, приоткрывающегося космоса третьего тысячелетия - его глобальная критичность, растущая неопределенность, нелинейность, когда вероятность событий плохо предсказуема, равно как их масштаб, поскольку грандиозные последствия в усложняющемся мире в принципе может вызвать даже небольшое изменение отдельного параметра. Таким образом, субъекты действия не просто умножаются, но приобретают иной ранг. А ценность социальной акции в «предприятии на полном ходу» все чаще определяется ее своевременностью и уместностью.

В итоге результат меньше зависит от затраченных усилий, но в возрастающей степени определяется когерентностью активности субъекта с направлением силовых линий многолюдной системы. В свою очередь фокусируемый внешним (идеологическим, психологическим, культурным, мировоззренческим, метафизическим) аттрактором - этой своеобразной «моделью поведения». Кроме того, мы не можем

полноценно реализовывать желаемый статус системы, не только игнорируя ее целостность и полноту, но также без учета динамики и положения относительно других социальных связей.

Иными словами, наши прежние представления о порядке есть форма редукции истинного положения вещей, а попытки долгосрочного планирования в мире многочисленных подвижных объектов оказываются весьма уязвимыми...

- Ну, а как же новые технологии?

Новые технологии «затачиваются», специально нацелены на управление объектами и событиями в условиях мерцающей реальности, возрастающей неопределенности и плохо предсказуемой трансформации при высокой роли антропологического фактора. Если сказать короче, то речь идет о развитии возможностей управления сложными объектами в условиях, приближенных к хаосу. Нас интересует не столько факт, сколько тренд; чтение текста, а не знание слов. Постулаты же прежнего знания о социальном мире нередко оказываются ложными, транзитными. Человечество долго жило в землянке на берегу «синего моря» -неспокойного океана, который нам еще предстоит пересечь...

В подобных обстоятельствах сверхгибкие антропологические системы становятся конкурентоспособными по отношению к сложившимся социоструктурам. Человек - творец социальной вселенной, ее демиург и законодатель, способный реализовать разные версии социального текста. Люди, будучи сверхсложными организмами и побуждаемые необходимостью не только жить, но также эффективно действовать в стремительно меняющихся условиях, активным образом соучаствуют в трансформационных процессах, в их осмыслении. Порождая сегодня поколение высоких социальных технологий, основанных на таких принципах и подходах, как деятельность в условиях неопределенности, потоковые модели социума, концепции фазового пространства и контролируемого хаоса, рефлексивный и матричный методы проектирования/управления и т.п. Генезис подобных технологий познания и действия тесно связан с судьбой институтов и персонажей, которые их создают.

- Вы говорите о знаменитых «фабриках мысли»?

«Фабрики мысли» (*think tanks*) — один из этапов развития научных институтов в прошлом столетии. В XX веке происходила активная индустриализация науки, развитие ее прикладного, технологического аспекта. Возникает новый тип исследовательского заведения: военно-промышленная лаборатория (в России - КБ, «шарашки», «закрытые города»), демонстрируя одновременно социальный потенциал возникающих конструкций. В США этот процесс шел в русле проектного подхода, яркий пример - «Манхэттенский проект»; в России подобным стержнем стал Атомно-космический проект (а социальной ипостасью - замысел «академических городков»).

И, наконец, следующее поколение интеллектуальных предприятий - упомянутые Вами «фабрики мысли». К революционному рубежу 60-70-х годов количество подобных интеллектуальных фабрик в Америке исчислялось сотнями.

- В чем же особенность «интеллектуальных фабрик» как научных институтов?

Главный объект исследовательской деятельности в «фабриках мысли» - алгоритм практического решения комплексной проблемы (на основе отработанной в годы войны технологии исследования операций). Основная особенность подобных предприятий - прямая связь исследовательского цикла с процессом принятия решений в сфере политики, военного планирования, бизнеса или крупных социальных инициатив. А подчас также решение задач семантического (смыслового) прикрытия или интеллектуального программирования.

- «Фабрики мысли» — это и есть механизм формулирования идей «нового класса»?

В какой-то степени, да. Интеллектуальные корпорации, все чаще занимаясь исследованием социальных и политических проблем, сливаются с инфраструктурой влиятельных советов и закрытых клубов. В середине 60-х годов, во многом под влиянием развития термоядерного оружия в условиях биполярного противостояния, возникает масштабный социальный и политический замысел. (Его, вспоминая проект, принадлежащий основателю Римского клуба Аурелио Печчеи, а возможно и в результате некоторой путаницы, порою ретроспективно и условно обозначают как «Проект-69».) Шаги по воплощению данного проекта воздействовали на процесс, который сейчас именуется «глобализацией».

Реализация концепции началась с провозглашения в октябре 1966 года (в разгар бомбардировок Северного Вьетнама) президентом Джонсоном идеи строительства моста между Западом и Востоком, затем последовали поездка Макджорджа Банди по пяти европейским странам, включая СССР, и встреча американского президента с советским премьером Косыгиным в местечке Гласборо летом 1967 года. Инициировав тем самым долгосрочный переговорный процесс по разрядке международной напряженности, ограничению и сокращению стратегических вооружений.

В результате были образованы влиятельные международные организации и переговорные площадки, занятые глобальной пасификацией, созданы системы регионального и глобального контроля (международные регулирующие органы). А также ряд неправительственных институтов, в которых исследовалась глобальная проблематика, развивался комплексный подход в социальных дисциплинах с акцентом на активном представлении будущего. Что, конечно же, повлияло на ход новейшей истории.

- Глобализация — спланированный процесс?

Смотря, что понимать под словом «спланированный». Глобализация имеет ряд глубоких исторических мотиваций, но борьба за ту или иную формулу их социальной реализации, безусловно, имела место. Дело в том, что к 70-м годам прошлого века накопился большой опыт работы над масштабными и долгосрочными проектами (в частности, военными и космическими). Это дало уверенность в том, что активное представление будущего можно формулировать в виде «конкретной плановой задачи» с позиций общей теории систем. Что в свою очередь вело к новому виду социальной рефлексии, отмеченной чертами междисциплинарности, долгосрочности, масштабности. **И «новому» типу прогнозирования - нормативного: когда сначала определяется желаемый облик будущего, а затем осуществляется гибкое и целенаправленное изменение реальности...**

Мне вспоминается в этой связи не только риторика Римского клуба, но, скажем, разработка и применение на практике Международным валютным фондом и Всемирным банком программ структурной адаптации и финансовой стабилизации, сыгравших свою роль в разрешении глобального долгового кризиса на пороге 80-х годов, а в дальнейшем - в регулировании мировых ресурсных и финансовых потоков.

Для России - СССР идея нормативного прогнозирования привычна и понятна, здесь она была обычной практикой. Однако с 60-х годов огромный интерес к данной теме возникает на Западе. ОЭСР провела специальное исследование, посвященное этой проблеме, а Белый дом и влиятельнейший Совет по международным отношениям инициировали серию дискуссий по новой дальней границе американской и мировой истории...

В те же годы Збигнев Бжезинский формулирует тезис о стратегической цели Запада - создании системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов. Системы, основанной на трех принципах: замена демократии господством элиты; формирование наднациональной власти на путях сплочения ведущих индустриально развитых стран; образование элитарного клуба ведущих государств мира. В 1973 году на свет появляется Трехсторонняя комиссия, объединившая

влиятельных лиц и ведущих интеллектуалов США, Европы, Японии. А в 75-м году возникает новый мировой регулирующий орган - G-7 (на тот момент G-6). Таким образом, формула современной глобализации есть, в определенной мере, продукт высоких социогуманитарных технологий и институтов проектирования будущего.

- В целом, логика развития интеллектуальных центров, создающих новые технологии управления понятна. Давайте вернемся к самим технологиям, которые часто обозначают как «технологии управления хаосом».

Наиболее ярким их примером является концепция *self-organized criticality (SOC)* - *самоорганизованной критичности*, созданная в процессе исследования сложных и сверхсложных систем, который в свою очередь есть развитие идей новой рациональности и хаососложности. В зыбкие границы «науки о хаосе», возникшей в 60-е годы прошлого столетия, входит довольно широкий спектр направлений, развивавшихся первоначально в дисциплинарных рамках наук о природе. Однако примерно с 80-х годов, если не раньше, обретенные знания стали примериваться к военной сфере, к бизнесу и политике: теория катастроф, неравновесная самоорганизация, синергетика и другие.

Специфика нового подхода заключалась в том, что, во-первых, его основным объектом оказывалась не статика, образно говоря, не «частица», не объект, а элемент движения - «волна», тренд. Причем движение, или, точнее, процесс рассматривается как часть сложной, открытой динамической системы, способной абсорбировать и рассеивать энергию, поступающую извне, генерируя при этом и хаос, и новые формы организации. Определяется ситуация через посредство таких понятий, как, скажем, периодичность или непериодичность, сечение фазового пространства, фрактал, бифуркация, аттрактор. Во-вторых, сложные динамические системы естественным образом эволюционируют до критической стадии, в которой, как уже говорилось, незначительное событие (воздействие) в принципе способно вызвать цепную реакцию, затрагивающую многие элементы системы.

Другими словами усложняющаяся и самоорганизующаяся (адаптивная) система непременно обладает некоторым потенциалом динамического хаоса и может существовать в двух состояниях. В первом случае, даже небольшое воздействие на систему способно привести к ее обвалу. Простой пример - куча песка, которая обваливается после того, как принимает на себя последнюю щепотку песчинок. Или, в обратном случае, столь же небольшое воздействие может привести к установлению нового порядка, структуризации системы. При этом, как обвал, так и структуризация системы происходят весьма быстро.

Эти два состояния системы нельзя назвать ни хорошими, ни плохими. Все зависит от ситуации - когда-то системе лучше быть в «возбужденном» состоянии, в другом случае - в «окаменелом». Технологии управления хаосом претендуют на сознательное достижение подобных состояний, на форсирование и использование критических состояний, а в перспективе - и на продуцирование из турбулентностей нового порядка.

Центром развития теории SOC является американский Институт Сайта Фе, созданный в 1984 году для изучения динамики сложных систем и проблем. В научный фундамент института положены идеи и исследования Колмогорова и Синая, Белоусова и Жаботинского, Ильи Пригожина и Эдварда Лоренца, Бенуа Мандельбро и Митчела Файгенбаума, Джеймса Йорка и Нормана Пакарда, Пер Бака и Мюррея Гелл-Манна, Митчела Уолдропа и Стивена Левина, а также других деятельных фигур в области изучения турбулентности, хаоса и критической сложности мира. Со временем появляются также другие центры, в частности Группа по изучению действий в условиях неопределенности при Пентагоне.

Так, скажем, акции, осуществляемые Соединенными Штатами в Афганистане, Ираке и других точках планеты, в определенном смысле вообще не имеют временной границы. Они скорее вписываются в некий стратегический рисунок, представляя звенья, «опорные площадки» гибкой и динамичной системы управления турбулентными процессами на планете: поддержание высокой боеготовности войск в

условиях их содержания не в казармах, а в условиях боевых действий «низкой интенсивности», контроль над ключевыми/критическими зонами и образуемые вокруг них оперативно-тактические коалиции. Системы, которая идет на смену прежней, вестфальской системе статичных межгосударственных отношений. При этом прежняя стратегия сдерживания (устрашения) заменяется доктриной упреждающих ударов.

Представляется, что для США важна все-таки не полная и окончательная победа в том или ином конфликте, а нечто иное: перед Америкой стоит масштабная задача, которая решается на практике - перехват и удержание стратегической инициативы, создание, апробация и утверждение собственной схемы мирового управления. Я бы охарактеризовал ее как динамичную, глобальную систему мировых связей (*intra-global relations*), чтобы отличить от прежней сбалансированной и стационарной системы международных отношений (*inter-national relations*). Особенно если учесть происходящее делегирование современным национальным государством своих компетенций сразу по трем векторам: глобальному, федеральному, субсидиарному, а также увеличение числа и особенно - *типологии* субъектов мировых событий.

Актуальным примером прикладного использования подобных технологий могут в некоторой степени служить также «оранжевые революции». Революция есть состояние общества близкое к хаосу. Люди - переменные, способные к спонтанной активности и глубокому замыслу. Искусство же управления заключается в следующем: во-первых, подвести систему к неравновесному состоянию; во-вторых, в нужное время и в нужном месте вбросить фактор, приводящий старый порядок вещей к обвалу (хаотизация организации); в-третьих, ввести аттрактор, структурирующий систему в новом, желательном направлении.

Все настолько технологизировано, что, скажем, в инструкциях можно встретить рекомендацию надевать на демонстрации белые кофточки. Зачем? Представьте передаваемое ТВ крупным планом плачущее лицо девушки, с заляпанной каплями крови белоснежной блузкой, и Вы поймете, что такое «незначительные воздействия», производимые в рамках современных «революционных технологий».

- И всем этим занимаются «люди Санта Фе»?

Нет, этим занимаются те, кто применяет новую методологию социального проектирования на практике. И также те, кто объединен модным термином «кризис-менеджмент», причем совсем не обязательно в применении к управлению только политическими или экономическими процессами: обширное поле деятельности представляют военные или, скажем, дипломатические операции. Так постулаты нелинейной динамики и теории критической сложности были взяты на вооружение Корпусом морских пехотинцев США еще лет двенадцать назад. А в знаменитом Лос-Аламосе еще раньше был учрежден Центр нелинейных исследований для координации работ по изучению хаоса и сопряженных проблем.

Принципиальных различий тут нет. Военные начинают отрабатывать формулы действия прописанные им гражданскими. Высокие гезоэкономические технологии инкорпорируют идеи управления кризисами и феноменологию изощренного использования силы, в том числе военной. «Люди Санта Фе» разрабатывают преимущественно теоретическую часть технологий.

- То, что мы видим на полках с управленческой литературой — это либо мемуары отставных боссов, либо вольные «рассуждения на тему» какого-то очередного именитого гуру. Почему о том, что Вы говорите, не пишут и это не дают в программах MBA?

Почему же, пишут. Но, действительно, параллельно с развитием интеллектуальных корпораций все явственнее деградирует принцип публичности обретаемого знания. Наука, особенно социальная и военная, движется к новому эзотеризму, анонимности, порою - к прямому сокрытию своих отдельных достижений и даже целых направлений исследований. Философия обращена в методологию, знание - в

технологии и товар. Интеллектуальная деятельность - это практика, сопряженная с коммерческой тайной и национальной безопасностью. Мир движется от вещи к знаку, а от знакового производства к цифровому измерению. Лидирует не теория, но проект, не наука, но аналитика. Исследуется не реальность вообще, а практическая сфера, о «реальности вообще» - мы рассуждаем. Более того, искусственно создается своеобразный «виртуальный» двойник социальных прописей. Путем заведомой деформации образа реальности, гипертрофии одних составляющих и подавления других создается система устойчивых мифов. Присутствие подобных тенденций вполне ощутимо в сфере социальных наук: тем, кто жил при советской власти, это нетрудно понять.

- Практически все крупнейшие корпорации мира движутся в направлении сетевой организации. Так, IBM продала производства компьютеров, сосредоточившись на управлении брендом, НИОКР и всей сетью независимых поставщиков...

Да, статус изделия, механизма, вещи в современном мире заметно понизился. «Продается продукт, покупается бренд» - это лозунг стратегического планирования крупных корпораций. Корпорация (равно как и глобальная экономика) все активнее оперирует нематериальными активами, организует пакеты услуг, да и сам продукт, продумывает сложную маршрутизацию его продаж. Традиционное же промышленное производство нередко передается контрагентам на аутсорсинг. А во главе процесса оказывается своеобразное «высокотехнологичное Версаче» - производство бренда, генеральной политики, ключевых решений, технологических прописей и лекал.

- Но если вспомнить то, что нам говорит о человеке наука и практика управления персоналом, наплодившие сотни различных противоречивых теорий и технологий, то можно уверенно сказать, что о самом главном в бизнесе - о личности мы знаем очень мало...

Состояние антропологии (дисциплины о человеке) не слишком завидно, но быстро развивается. Появляются такие перспективные направления, как, к примеру, синергичная антропология. И это имеет прямое отношение к обсуждаемой теме. Мы говорили о радикально возросшей роли личности, с одной стороны, и беспомощности механистичных теорий управления событиями и персоналом, с другой. Проблема здесь не только в тех ученых, которые неспособны создать методологию действия идеально подходящую к заметно изменившейся среде обитания.

Все обстоит куда серьезнее: **мы стоим на пороге изменения фундаментальных представлений о человеке.**